



Людмила ЯКОВЛЕВА



Про Бабу  
Язву



Сказка



ББК 47.2.1.2.1  
Я47

Рисунки Л. Яковлевой

**Яковлева Людмила**

Я47 Про Бабу Ядвигу: сказка / Л. Яковлева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2009. – 24 с.

ISBN 5-202-00309-9.

ББК 47.2.1.2.1

ISBN 5-202-00309-9

© Яковлева Л., 2009

© Издательство «Кузбассвуиздат», 2009

---

*Литературно-художественное издание*

**Яковлева Людмила Михайловна**

**ПРО БАБУ ЯДВИГУ**

*Сказка*

Редактор **Т. А. Козлева**

Технический редактор **В. И. Труханова**

Компьютерная верстка и дизайн обложки **М. Л. Костомаровой**

Сдано в набор 14.10.2009. Подписано к печати 11.03.2010. Формат 70×108<sup>1/16</sup>.  
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,10. Уч.-изд. л. 0,66. Усл. кр.-от. 8,4. Тираж 1000 экз. Заказ № 425

Издательство «Кузбассвуиздат». 650099, г. Кемерово, пр-т Советский, 60Б. Тел. 58-29-34

Людмила  
ЯКОВЛЕВА

# Про Бабу Я~~д~~визу

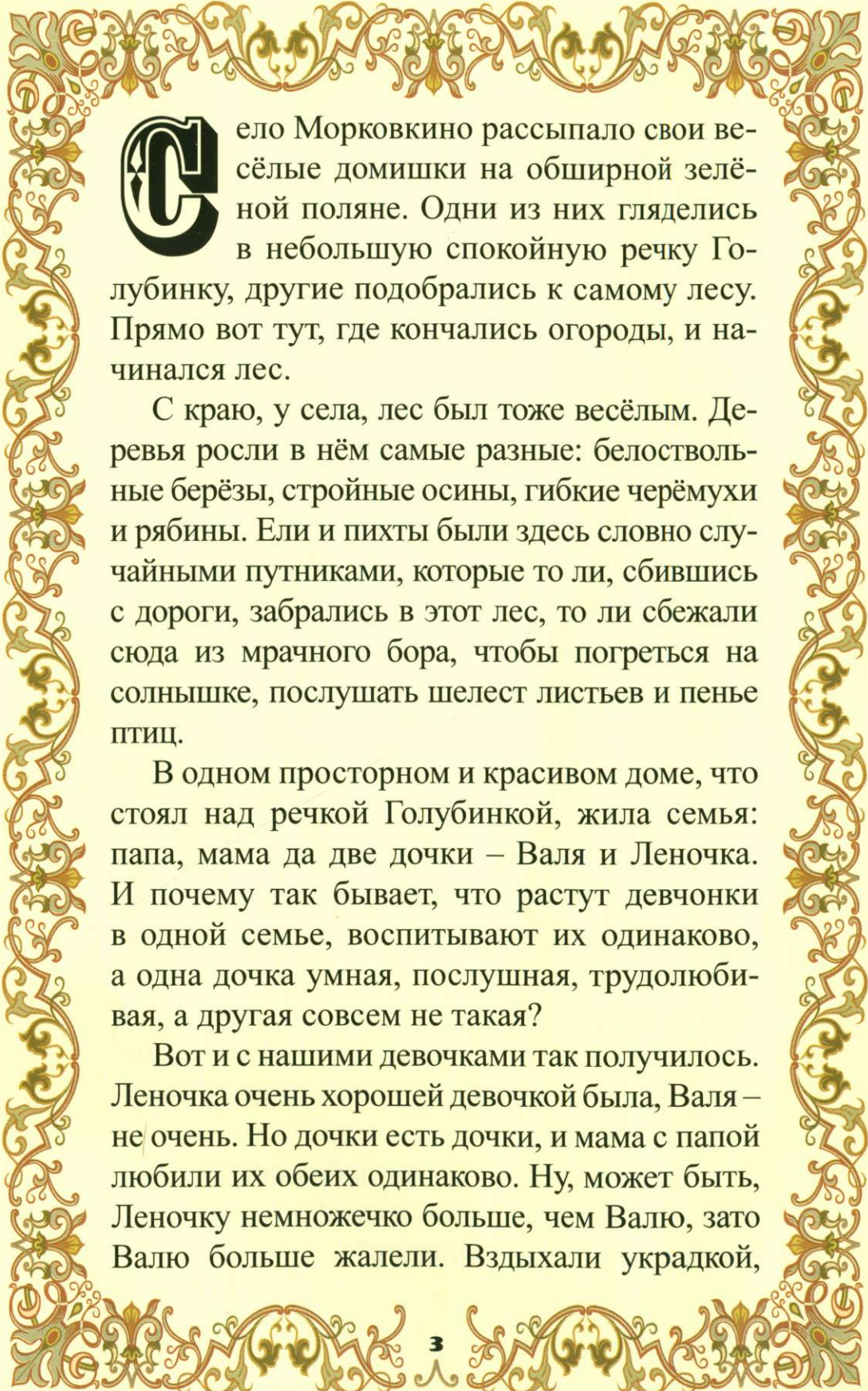
Сказка



*Ольге  
Афанасьевне  
от автора.*

*Л. Яковлева  
июль 2010г  
г. Тайга.*

Кемерово  
Кузбассвуиздат  
2009

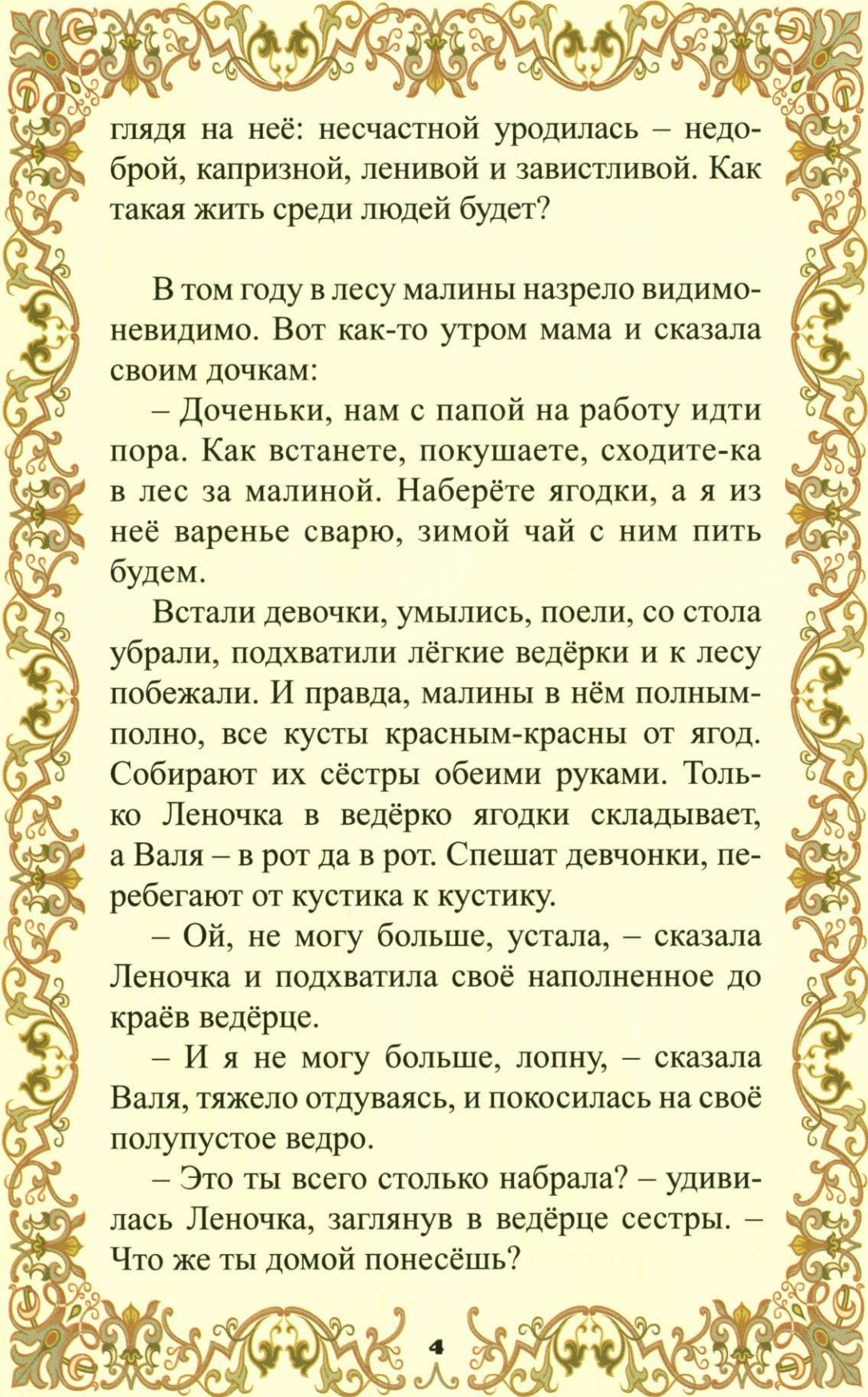


**С**ело Морковкино рассыпало свои весёлые домишки на обширной зелёной поляне. Одни из них гляделись в небольшую спокойную речку Голубинку, другие подобрались к самому лесу. Прямо вот тут, где кончались огороды, и начинался лес.

С края, у села, лес был тоже весёлым. Деревья росли в нём самые разные: белоствольные берёзы, стройные осины, гибкие черёмухи и рябины. Ели и пихты были здесь словно случайными путниками, которые то ли, сбившись с дороги, забрались в этот лес, то ли сбежали сюда из мрачного бора, чтобы погреться на солнышке, послушать шелест листьев и пенье птиц.

В одном просторном и красивом доме, что стоял над речкой Голубинкой, жила семья: папа, мама да две дочки – Валя и Леночка. И почему так бывает, что растут девчонки в одной семье, воспитывают их одинаково, а одна дочка умная, послушная, трудолюбивая, а другая совсем не такая?

Вот и с нашими девочками так получилось. Леночка очень хорошей девочкой была, Валя – не очень. Но дочки есть дочки, и мама с папой любили их обеих одинаково. Ну, может быть, Леночку немножечко больше, чем Валю, зато Валю больше жалели. Вздыхали украдкой,

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in shades of gold, brown, and green, framing the text on all sides.

глядя на неё: несчастной уродилась – недоброй, капризной, ленивой и завистливой. Как такая жить среди людей будет?

В том году в лесу малины незрело видимо-невидимо. Вот как-то утром мама и сказала своим дочкам:

– Доченьки, нам с папой на работу идти пора. Как встанете, покушаете, сходите-ка в лес за малиной. Наберёте ягодки, а я из неё варенье сварю, зимой чай с ним пить будем.

Встали девочки, умылись, поели, со стола убрали, подхватили лёгкие ведёрки и к лесу побежали. И правда, малины в нём полным-полно, все кусты красным-красны от ягод. Собирают их сёстры обеими руками. Только Леночка в ведёрко ягодки складывает, а Валя – в рот да в рот. Спешат девчонки, перебегают от кустика к кустику.

– Ой, не могу больше, устала, – сказала Леночка и подхватила своё наполненное до краёв ведёрце.

– И я не могу больше, лопну, – сказала Валя, тяжело отдуваясь, и покосилась на своё полупустое ведро.

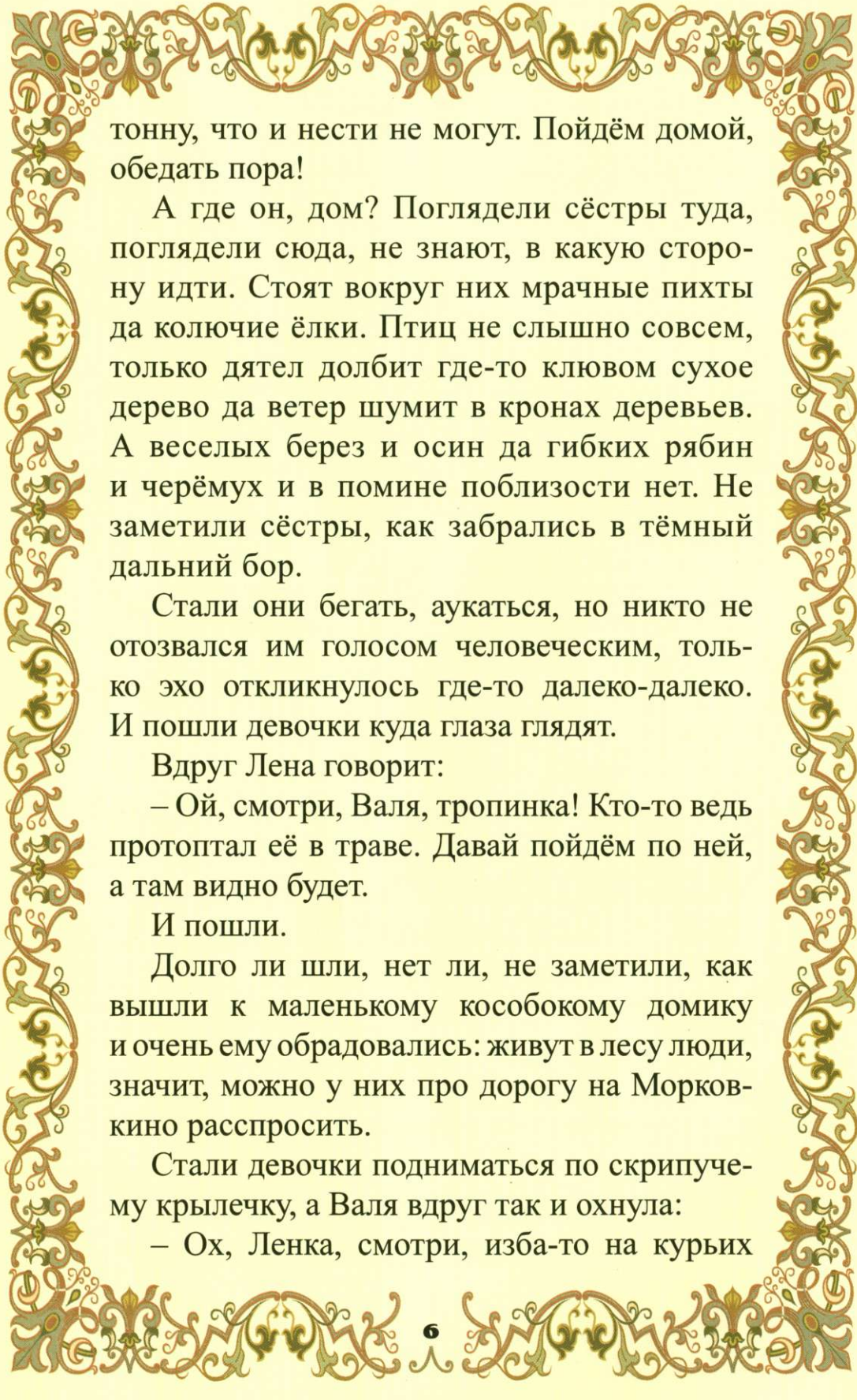
– Это ты всего столько набрала? – удивилась Леночка, заглянув в ведёрце сестры. – Что же ты домой понесёшь?



– А ты отсыпь мне половину своей малины, – предложила Валя, – тогда и мне будет хорошо, и тебе не так тяжело нести ягоду.

Отсыпала Лена ягод сестре, и правда, легче стало.

– Ну вот, – похвалила сестрёнку Валя, – а то жадничают, жадничают, наберут целую



тонну, что и нести не могут. Пойдём домой, обедать пора!

А где он, дом? Поглядели сёстры туда, поглядели сюда, не знают, в какую сторону идти. Стоят вокруг них мрачные пихты да колючие ёлки. Птиц не слышно совсем, только дятел долбит где-то клювом сухое дерево да ветер шумит в кронах деревьев. А веселых берез и осин да гибких рябин и черёмух и в помине поблизости нет. Не заметили сёстры, как забрались в тёмный дальний бор.

Стали они бегать, аукаться, но никто не отозвался им голосом человеческим, только эхо откликнулось где-то далеко-далеко. И пошли девочки куда глаза глядят.

Вдруг Лена говорит:

– Ой, смотри, Валя, тропинка! Кто-то ведь протоптал её в траве. Давай пойдём по ней, а там видно будет.

И пошли.

Долго ли шли, нет ли, не заметили, как вышли к маленькому кособокому домику и очень ему обрадовались: живут в лесу люди, значит, можно у них про дорогу на Морковкино расспросить.

Стали девочки подниматься по скрипучему крылечку, а Валя вдруг так и охнула:

– Ох, Ленка, смотри, изба-то на курьих



ножках! Баба Яга здесь живёт, не иначе. Бежим отсюда!

– Какие ещё ножки, какая Яга? – Лена смело потянула дверную ручку на себя.

Дверь протяжно простонала, а из глубины избушки послышался тоже скрипучий чей-то голос:

– Хтой-то там пришёл? Проходите сюды, милаи.

Валя ткнула кулаком сестру в бок и зашептала:

– Яга, я же тебе говорю, Яга здесь живёт!

– Да ну тебя, – отмахнулась от Вали Леночка. – Просто бабушка старенькая. Болеет, наверное.

Вошли девочки в избушку, осмотрелись. На стенах сухие пучки каких-то трав висят, на стареньком толстоногом столе посуда грязная – деревянные ложки, плоски. На облупленной холодной печи старушонка лежит – худющая, грязнущая, страшнущая.

– Говорила я тебе – Баба Яга! – шепчет Валя в ухо сестре.

– Да тише ты! – одёргивает Валю Лена. И к старушке с вопросом: – Бабушка, вы кто?

– Пенсионерка я, ветеран леса, – сказала старушка слабым голосом. – А дурные люди Бабой Ягой зовут да еще Костяной Ногой.

Но это уж одна напраслина. Худые, конечно, ноги у меня, но самые обнакновенные, как у всех.

– Я же тебе говорила! – зашипела опять Валя на сестру и попятилась к выходу.

– Громче, деточки, говорите! – попросила старушка. – Туговата я на уши стала. Хто такие? Каких краёв будете? Дело пытаете аль от дела лытаете?

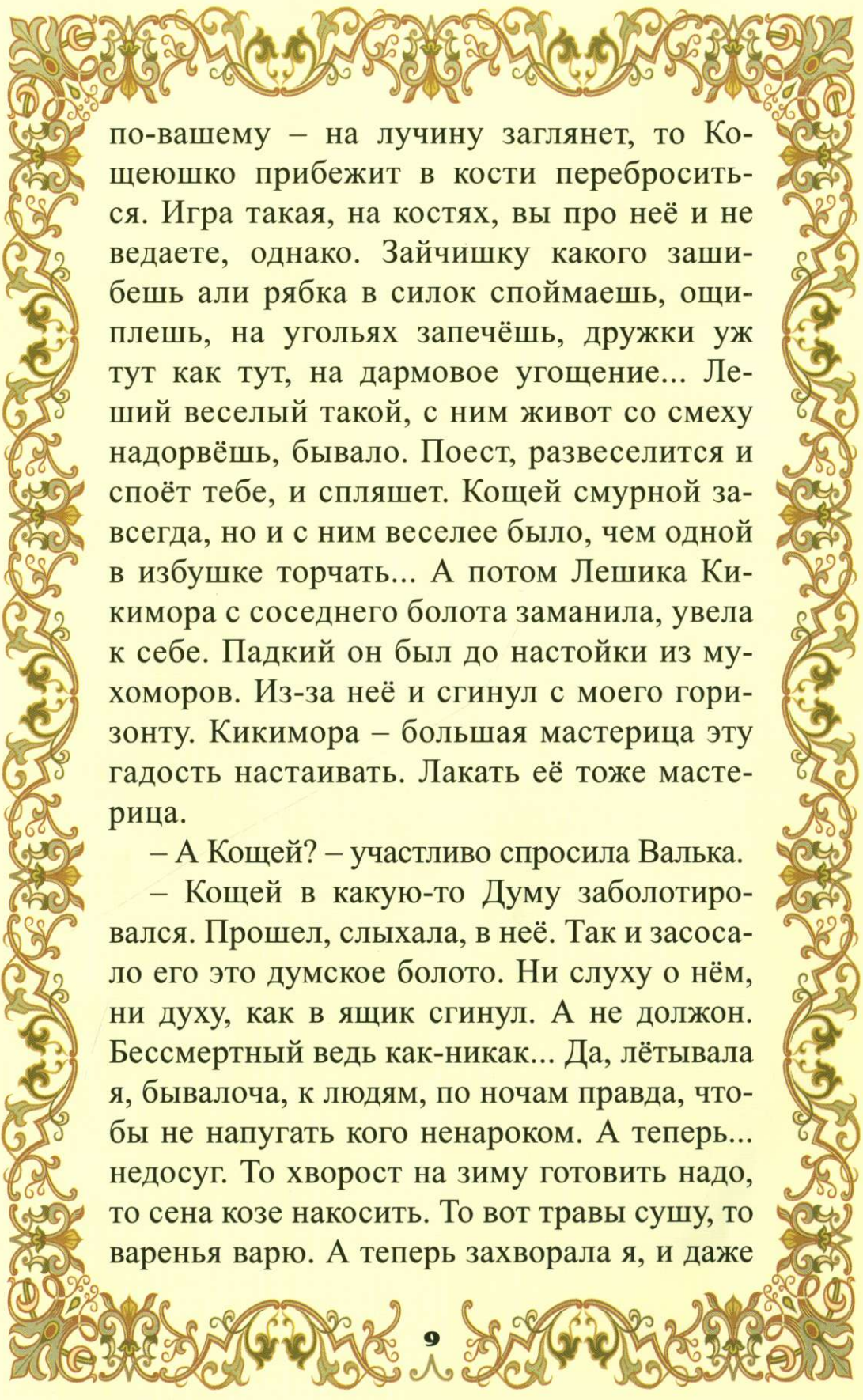
– Мы малину в лесу собирали, – сказала Лена. И добавила: – Вы, бабуля, дорогу на деревню Морковкино знаете? Заблудились мы.

– А как же, слыхала я про Морковкино. Знатная деревушка. Дворов тридцать в ней, чай, будет.

– Что вы, бабушка, дворов триста, наверно, – сказала Лена. – Хорошее у нас село. Школа новая, большая, Дом культуры новый и коровники, и птицеферма...

– И председатель кооператива новый, – добавила осмелевшая Валя. – Он к нам со своей семьёй недавно из райцентра переехал.

– Что-то вы, девоньки, про непонятное говорите. Отстала я, совсем отстала от жизни. Сто лет на людях не была... Одна, совсем одна осталась. А как помоложе была, когда годков восемьдесят всего было, весело жила. То Лёша – Леший

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in shades of gold, brown, and green, framing the text on all sides.

по-вашему – на лучину заглянет, то Кошеюшко прибежит в кости переброситься. Игра такая, на костях, вы про неё и не ведаете, однако. Зайчишку какого зашибешь али рябка в силочку споймаешь, ощи-плешь, на угольях запечёшь, дружки уж тут как тут, на дармовое угощение... Леший веселый такой, с ним живот со смеху надорвёшь, бывало. Поест, развеселится и споёт тебе, и спляшет. Кощей смурной за- всегда, но и с ним веселее было, чем одной в избушке торчать... А потом Лешика Кикимора с соседнего болота заманила, увела к себе. Падкий он был до настойки из мухоморов. Из-за неё и сгинул с моего горизонта. Кикимора – большая мастерица эту гадость настаивать. Лакать её тоже мастерица.

– А Кощей? – участливо спросила Валька.

– Кощей в какую-то Думу заболотировался. Прошел, слыхала, в неё. Так и засосало его это думское болото. Ни слуху о нём, ни духу, как в ящик сгинул. А не должен. Бессмертный ведь как-никак... Да, лётывала я, бывалоча, к людям, по ночам правда, чтобы не напугать кого ненароком. А теперь... недосуг. То хворост на зиму готовить надо, то сена козе накосить. То вот травы сушу, то варенья варю. А теперь захворала я, и даже

травы помогать перестали целебные. Должно быть, про самую главную траву забыла, что от девяноста девяти недугов лечит. Знаю, есть такая, а вспомнить не могу, какая и где искать. Старость не радость, правду говорят. Памяти совсем не стало.

— Бабушка, вы, наверно, голодная? — спросила старушку Лена и почувствовала, как проголодалась сама за сегодняшний день. Ели-то они с Валею рано утром, а теперь время давно уже за обед перевалило.

— И не говори, милая, — сказала старушка. — Третий день лежу на печи голодная. Сил



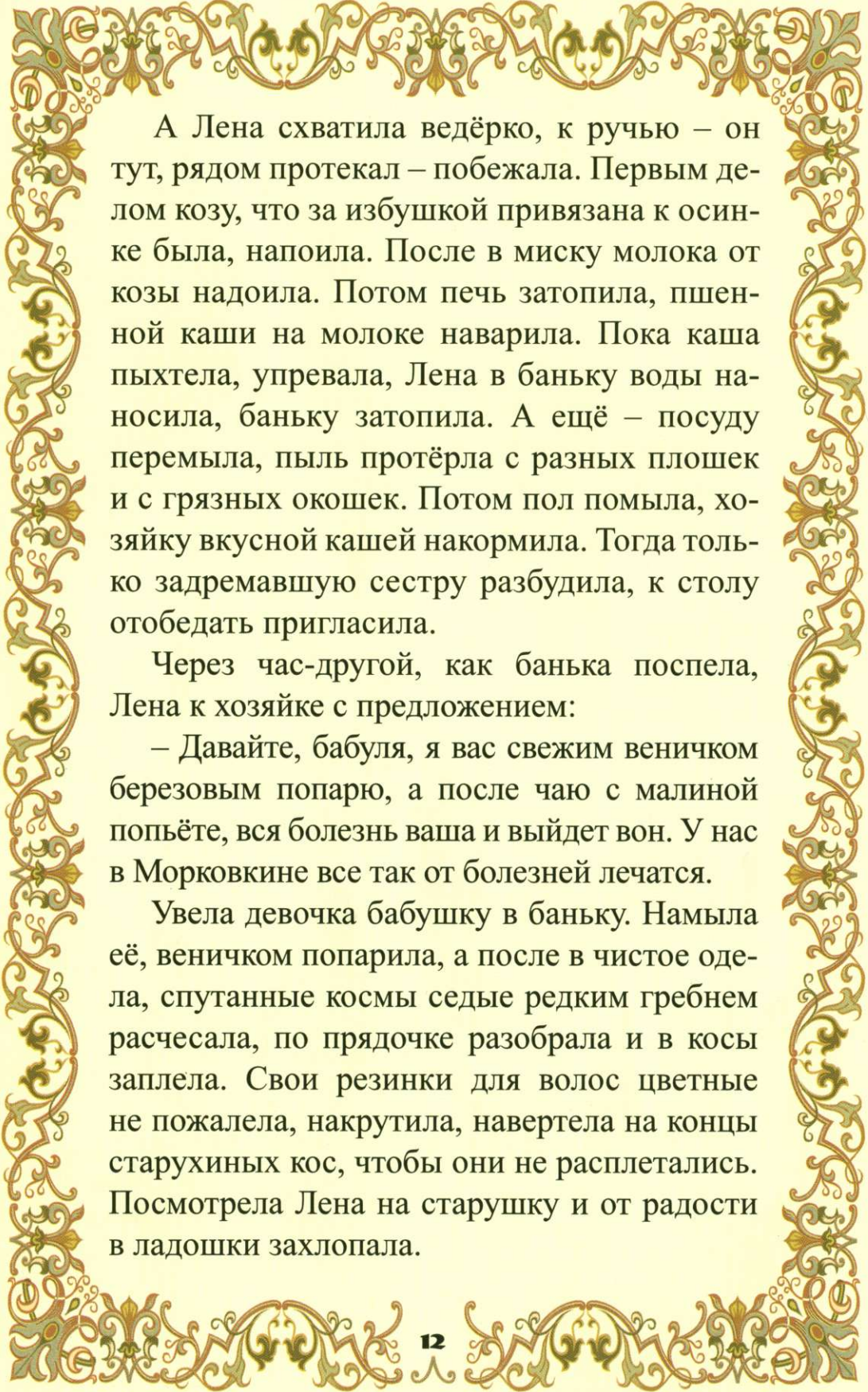
встать нету, а самое главное – коза Луиза не поена, не доена.

– Я сейчас. Мы всё сделаем, – заторопилась Лена. – Валя, давай приберём всё, обед сварим, козу напоим, подоим.

– Хочешь – вари, хочешь – дои, – заявила Валя. – А я не буду ничего делать. Я устала. Лучше вот тут на лавке полежу.

Легла Валя на широкую лавку, руки под голову положила, стала в потолок смотреть.



A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns in shades of gold, brown, and green, framing the text on all sides.

А Лена схватила ведёрко, к ручью — он тут, рядом протекал — побежала. Первым делом козу, что за избушкой привязана к осинке была, напоила. После в миску молока от козы надоила. Потом печь затопила, пшенной каши на молоке наварила. Пока каша пыхла, упревала, Лена в баньку воды носила, баньку затопила. А ещё — посуду перемыла, пыль протёрла с разных плоскостей и с грязных окошек. Потом пол помыла, хозяйку вкусной кашей накормила. Тогда только задремавшую сестру разбудила, к столу отобедать пригласила.

Через час-другой, как банька поспела, Лена к хозяйке с предложением:

— Давайте, бабуля, я вас свежим веничком березовым попарю, а после чаю с малиной попьёте, вся болезнь ваша и выйдет вон. У нас в Морковкине все так от болезней лечатся.

Увела девочка бабушку в баньку. Намыла её, веничком попарила, а после в чистое одела, спутанные космы седые редким гребнем расчесала, по прядочке разобрала и в косы заплела. Свои резинки для волос цветные не пожалела, накрутила, навертела на концы старухиных кос, чтобы они не расплетались. Посмотрела Лена на старушку и от радости в ладошки захлопала.



– Ой, бабулечка, какая же вы красавица! Жалко, зеркала нет, вы бы поглядели на себя.

– Милая ты моя, – сказала растроганно хозяйка избушки, – сколь годов на свете прожила я, а ни от кого никогда слова приветного не слыхивала. Говорите, девоньки, чего вам надобно, всё для вас сделаю.

– Домой нам надо, – сказала несмело Лена.

– В Морковкино, значит? – загрустила старушка, пригорюнилась. – Ой, как же я останусь опять одна туточки? Не выдюжу эту зимушку, нет, не выдюжу... И не знаю я, где ваше Морковкино. Вот не знаю и все! Был бы у меня клубочек заветный, отдала б его вам. Сколько путников на своем веку выручила. Придут к избушке зимой, летом ли, заблудятся в лесу, канючат: «Бабушка, выручай!» Вот и выручала. Дам, бывало, клубок: «Куда покотится, там и дом твой». Сколь пряжи перевела, не счесть. А хоть один клубочек вернули? Куда там! Все теперь вяжут, все до дармовщины охотники... Не знаю я, где ваше Морковкино!

– Знает, врёт она, – зашептала Валя сестре на ухо.

– А вот и не знаю! А вот и не вру! – закричала Баба Яга с ехидной ухмылкой на смор-



щенных губах. И по глазам её было видно, что знает и врёт, точно.

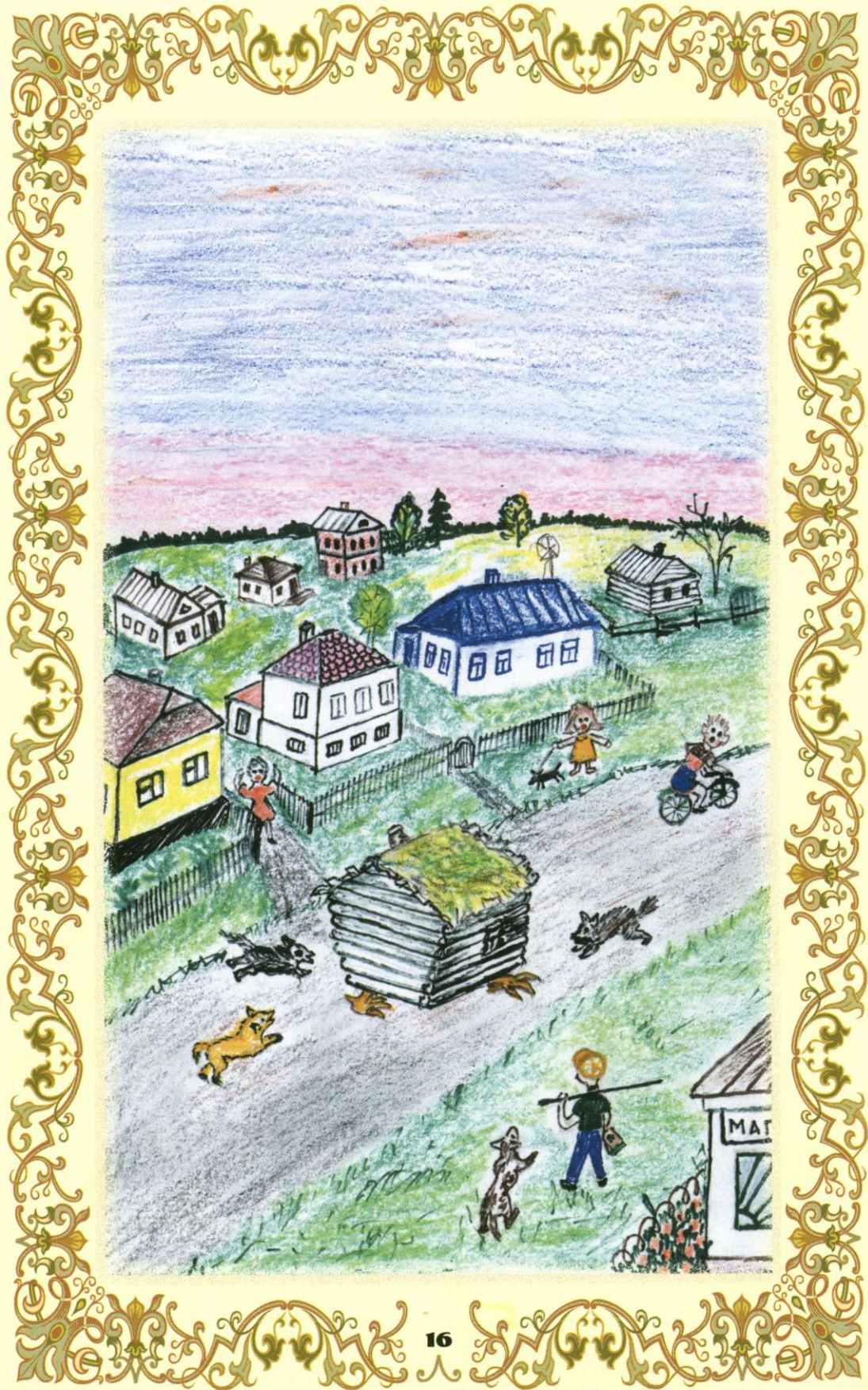
– Мама от горя с ума сойдет, – сказала Лена со слезами на глазах. – Помнишь, Валя, как ты у Дианки заигралась, а мама подумала, что ты в Голубинке утонула? Она тогда говорила, что чуть с ума не сошла от горя.

– Да как же я-то? – простонала Баба Яга. – А если я тут с горя с ума сойду, никому и дела нет до старухи? Вот только вздохнула, только жизнь увидала, только ожила, как говорится. И опять одной оставаться?!

– И вы тоже в Морковкино перебирайтесь, – предложила Лена. – У нас, знаете, как хорошо!

– Знаю, знаю, – заворчала Яга. – Школа новая, коровник новый, председатель кооператива новый... С новым-то легче расставаться, к нему душой не прикипел, не успел. А вот тут, в этой избушечке, всё до последней паутиночки моё, кровное. Как же я всё брошу? Сто лет здесь прожила и ещё сто проживу. Она крепкая, избушечка моя, только с виду раскудлатая. А так – славненькая, тёплая. Дыры мохом к зиме позатыкаю, Луизу в угол определяю, с ней ещё теплее будет. Коза – теплое животное, от неё зимой аж пар идет. Нет, избушечку я бросить никак не могу.

– А чего её бросать? – подала голос Валя. –



У неё ноги есть. Пусть сама топает в Морковкино.

– Умница, – похвалила Баба Яга девочку. – Ноги есть. Не знаю только, далеко ли они утопают. Годов-то им по сто каждой. Ну, поглядим!

Старушка вышла на крыльцо и зычным голосом – видать, совсем оклемалась – позвала козу:

– Луиза, ко мне!

Лена после дойки отвязала козу, и теперь она вольно паслась на поляне. На зов хозяйки Луиза выскочила из-за кустов. Из её рта торчал клочок травы, который она на ходу дожёвывала.

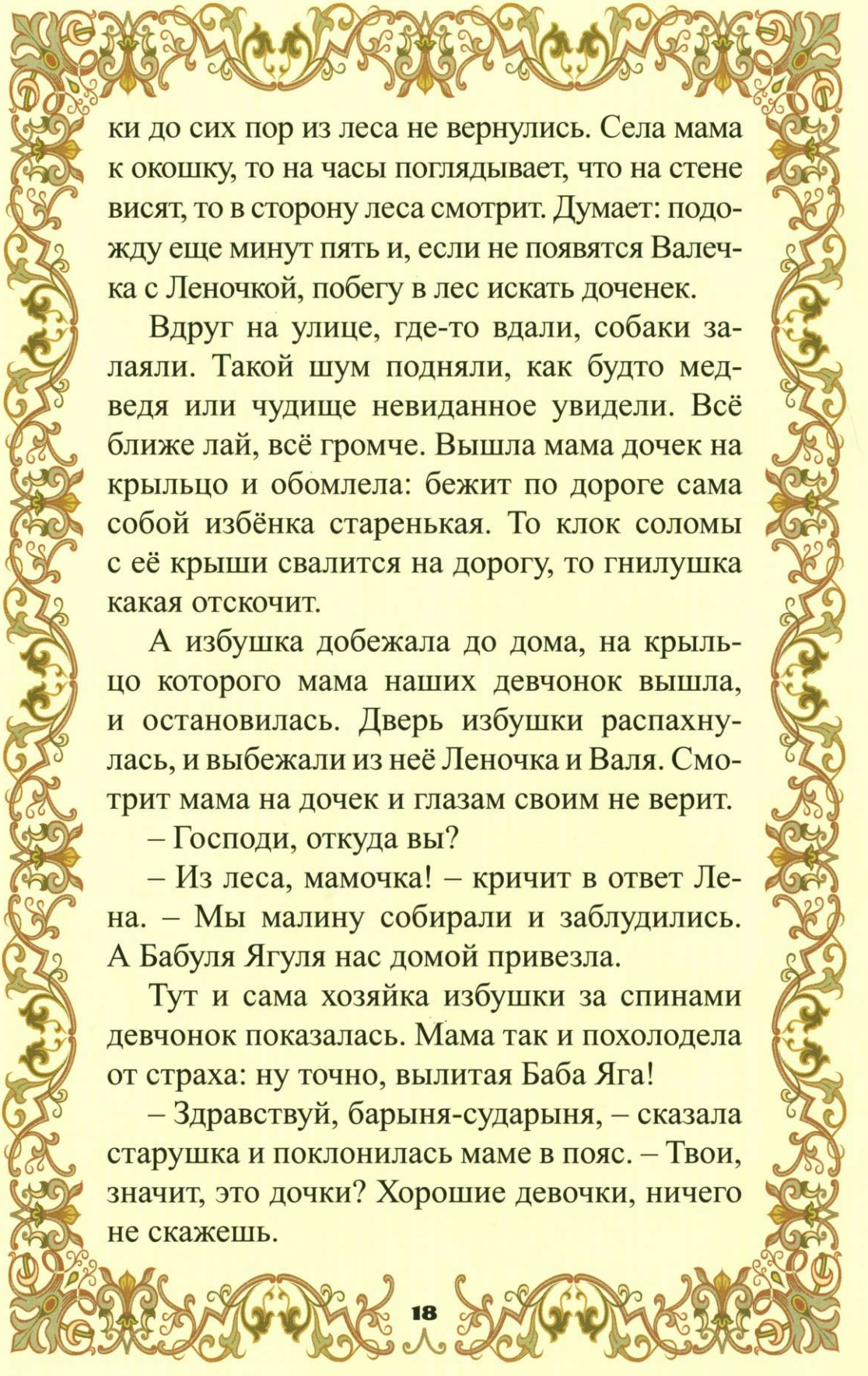
– В избу! – приказала коротко хозяйка.

И когда Луиза, пересчитав копытцами ступеньки крыльца, вбежала в избушку, Баба Яга сказала, заглядывая под крыльцо:

– Уж вы, курьи ножки, бегите по дорожке, донесите вы избу до села Морковкина.

Затрещала избушка, зашаталась. Показалось, вот-вот рассыплется. Но потом ничего, выровнялась и пошла. Так и замелькали в окошке ели, пихты. Все быстрее, быстрее...

А в это время мама наших девочек с работы домой пришла. И сразу поняла, что её доч-



ки до сих пор из леса не вернулись. Села мама к окошку, то на часы поглядывает, что на стене висят, то в сторону леса смотрит. Думает: подожду еще минут пять и, если не появятся Валечка с Леночкой, побегу в лес искать доченок.

Вдруг на улице, где-то вдали, собаки залаяли. Такой шум подняли, как будто медведя или чудище невиданное увидели. Всё ближе лай, всё громче. Вышла мама дочек на крыльцо и обомлела: бежит по дороге сама собой избёнка старенькая. То клок соломы с её крыши свалится на дорогу, то гнилушка какая отскочит.

А избушка добежала до дома, на крыльцо которого мама наших девчонок вышла, и остановилась. Дверь избушки распахнулась, и выбежали из неё Леночка и Валя. Смотрит мама на дочек и глазам своим не верит.

– Господи, откуда вы?

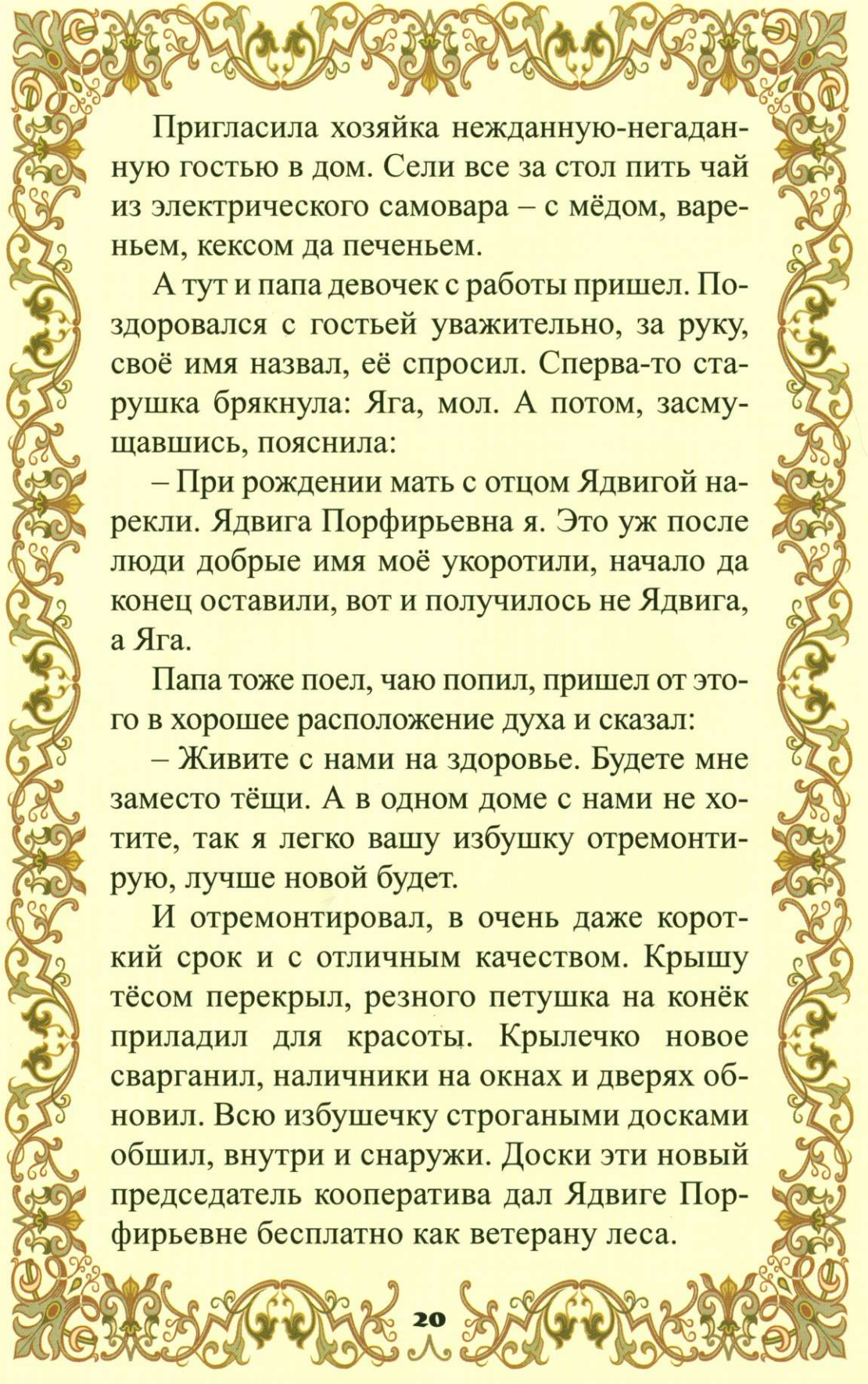
– Из леса, мамочка! – кричит в ответ Лена. – Мы малину собирали и заблудились. А Бабуля Ягуля нас домой привезла.

Тут и сама хозяйка избушки за спинами девчонок показалась. Мама так и похолодела от страха: ну точно, вылитая Баба Яга!

– Здравствуй, барыня-сударыня, – сказала старушка и поклонилась маме в пояс. – Твои, значит, это дочки? Хорошие девочки, ничего не скажешь.

Страх отпустил маму. Нет, ничего, старушка как старушка. Странная, конечно, но не страшная. Чистая, по всему видно, хоть и в старой одежке. Косицы у неё висят смешные такие – тощие, седые, а все разноцветными девчоночьими резинками для волос унизаны... Девочек похвалила – Лену и Валюшку. Какой матери не приятно, когда её детей хвалят?





Пригласила хозяйка нежданную-негаданную гостью в дом. Сели все за стол пить чай из электрического самовара – с мёдом, вареньем, кексом да печеньем.

А тут и папа девочек с работы пришел. Поздоровался с гостьей уважительно, за руку, своё имя назвал, её спросил. Сперва-то старушка брякнула: Яга, мол. А потом, засмутившись, пояснила:

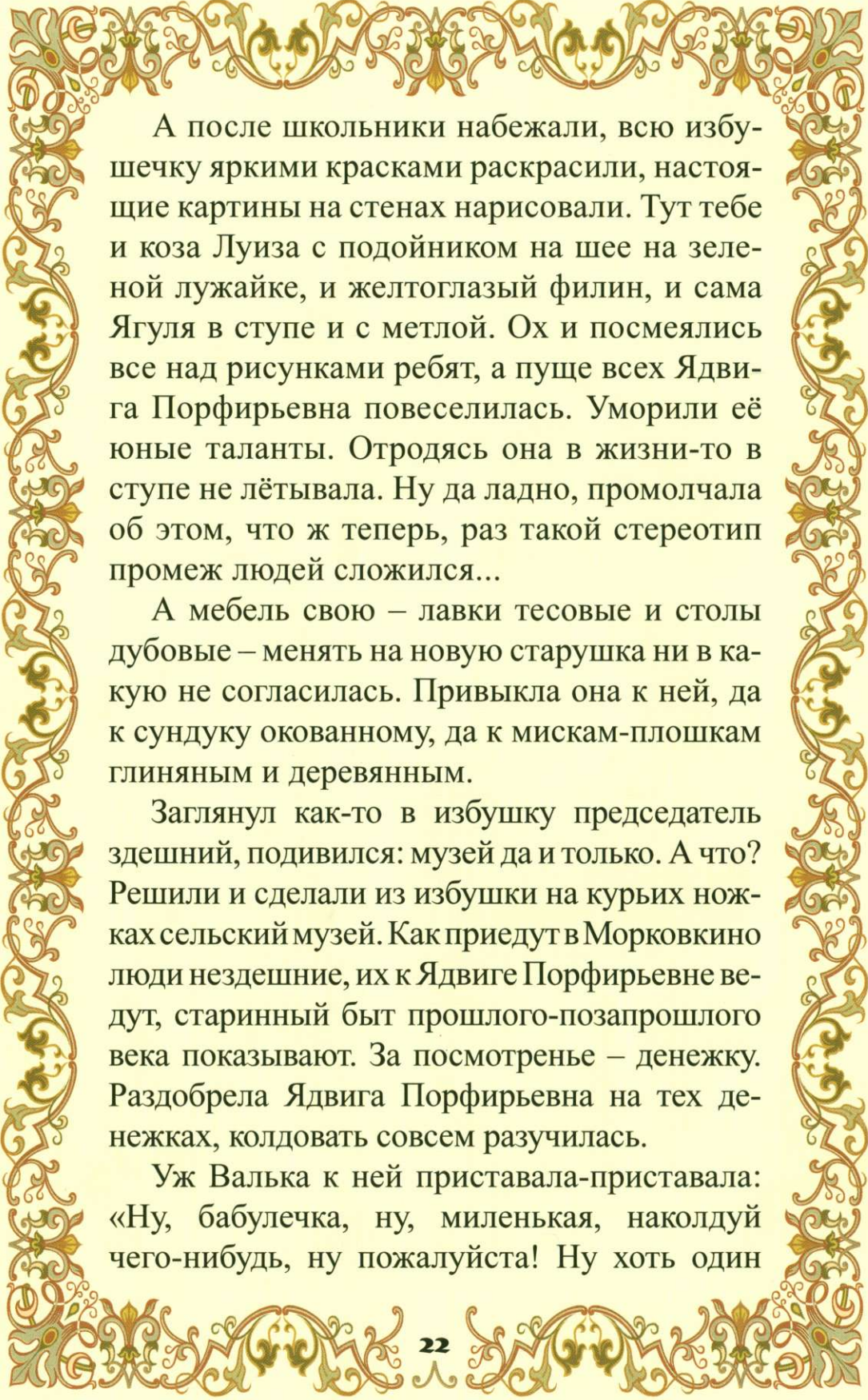
– При рождении мать с отцом Ядвигой нарекли. Ядвига Порфирьевна я. Это уж после люди добрые имя моё укоротили, начало да конец оставили, вот и получилось не Ядвига, а Яга.

Папа тоже поел, чаю попил, пришел от этого в хорошее расположение духа и сказал:

– Живите с нами на здоровье. Будете мне вместо тёщи. А в одном доме с нами не хотите, так я легко вашу избушку отремонтирую, лучше новой будет.

И отремонтировал, в очень даже короткий срок и с отличным качеством. Крышу тёсом перекрыл, резного петушка на конёк приладил для красоты. Крылечко новое сварганил, наличники на окнах и дверях обновил. Всю избушечку строгаными досками обшил, внутри и снаружи. Доски эти новый председатель кооператива дал Ядвиге Порфирьевне бесплатно как ветерану леса.





А после школьники набежали, всю избушечку яркими красками раскрасили, настоящие картины на стенах нарисовали. Тут тебе и коза Луиза с подойником на шее на зеленой лужайке, и желтоглазый филин, и сама Ягуля в ступе и с метлой. Ох и посмеялись все над рисунками ребят, а пуще всех Ядвига Порфирьевна повеселилась. Уморили её юные таланты. Отродясь она в жизни-то в ступе не лётывала. Ну да ладно, промолчала об этом, что ж теперь, раз такой стереотип промеж людей сложился...

А мебель свою – лавки тесовые и столы дубовые – менять на новую старушка ни в какую не согласилась. Привыкла она к ней, да к сундуку окованному, да к мискам-плошкам глиняным и деревянным.

Заглянул как-то в избушку председатель здешний, подивился: музей да и только. А что? Решили и сделали из избушки на курьих ножках сельский музей. Как приедут в Морковкино люди нездешние, их к Ядвиге Порфирьевне введут, старинный быт прошлого-позапрошлого века показывают. За посмотренье – денежку. Раздобрела Ядвига Порфирьевна на тех денешках, колдовать совсем разучилась.

Уж Валька к ней приставала-приставала: «Ну, бабулечка, ну, миленькая, наколдуй чего-нибудь, ну пожалуйста! Ну хоть один



разочек!» До того извела старушку, что та не выдержала, обругала Валю в сердцах:

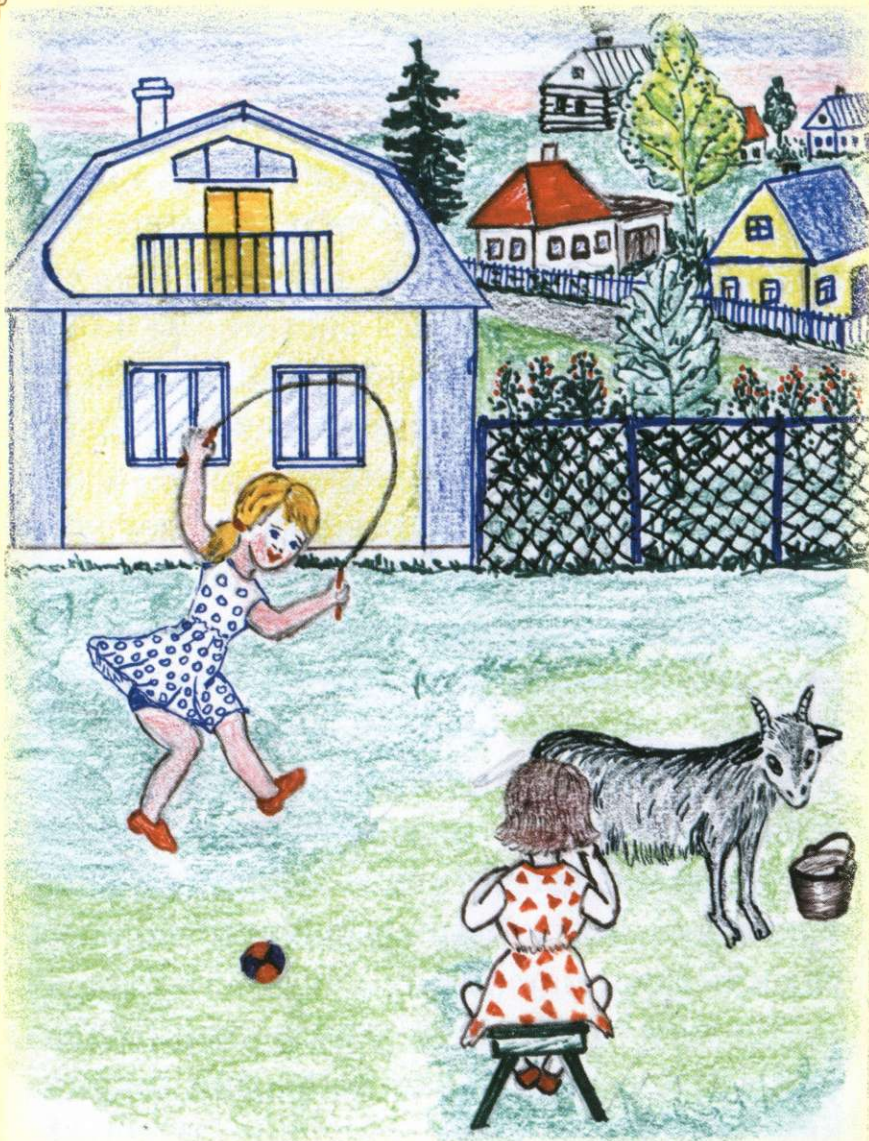
— Ох и надоела же ты мне, чисто липучка! Нет чтобы делом заняться каким, так ты мне нервную систему нытьём своим расшатываешь.

И тут неожиданно для себя от этого расшатывания нервов вспомнила Ядвига Порфирьевна одно забытое заклинание: «Курды, фурды, бурды! Пусть конопатая Валька, липучка и приставала, станет доброй, послушной и работающей, как её сестра Леночка!»

Не успела старушка последнее слово вымолвить, как Валя сорвалась с места и крикнула:

— Ох, что же это я сиднем сижу, когда грядки не полоты, полы не вымыты, Луиза не доена! — и упорхнула на улицу. За работу принялась. То-то было диву соседям, то-то радости отцу, матери.

Удалось последнее колдовство Ядвиге Порфирьевне. А что было оно последним, это точно. Да и для чего колдовать, когда жизнь в Морковкине сытая, веселая, безбедная? Люди добрые кругом живут, девчонки-сестрёнки Валя и Лена по десяти раз на дню забегают то сказку послушать, то за компанию с бабулей чайку попить да кашку покушать. А то и просто посидеть ря-



дышком с Ядвигой Порфирьевной, ей что-нибудь рассказать, книжку вслух почитать. Так и зовут её бабушкой, бабуленькой, словно родные внучки.

Конец – всему делу венец!





Людмила ЯКОВЛЕВА

Про Бабу  
Ягвизу



Сказка

